

Константин Томилов

Стойкий деревянный солдатик

Константин Томилов

Стойкий деревянный солдатик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70120231

SelfPub; 2023

Аннотация

Если есть добыча, то обязательно должны быть охотники. Если есть мерзость, то обязательно должны быть те, кто эту мерзость уничтожает.

Константин Томилов

Стойкий деревянный солдатик

Посвящается Господу нашему Иисусу Христу и Его Пречистой Матери.

(Нордическая сентиментальная сказка)

"Боже отмщений, Господи, Боже отмщений, яви Себя! Восстань, Судия земли, воздай возмездие гордым. Доколе, Господи, нечестивые, доколе нечестивые торжествовать будут? Они изрыгают дерзкие речи; величаются все делающие беззаконие; попирают народ Твой, Господи, угнетают наследие Твое; вдову и прищельца убивают, и сирот умерщвляют и говорят: «не увидит Господь, и не узнает Бог Иаковлев». Образумьтесь, бессмысленные люди! когда вы будете умны, невежды? Насадивший ухо не услышит ли? и образовавший глаз не увидит ли? Вразумляющий народы неужели не обличит, – Тот, Кто учит человека разумению? Господь знает мысли человеческие, что они суетны. Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи, и наставляешь законом Твоим, чтобы дать ему покой в бедственные дни, доколе нечестивому выроется яма! Ибо не отринет Господь народа Своего и не оставит наследия Своего. Ибо суд возвратится к

правде, и за ним последуют все правые сердцем. Кто восстанет за меня против злодеев? кто станет за меня против делающих беззаконие? Если бы не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы душа моя в страну молчания. Когда я говорил: «колеблется нога моя», – милость Твоя, Господи, поддерживала меня. При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои улаждают душу мою. Станет ли близ Тебя седалище губителей, умышляющих насилие вопреки закону? Толпою устремляются они на душу праведника и осуждают кровь неповинную. Но Господь – защита моя, и Бог мой – твердыня убежища моего, и обратит на них беззаконие их, и злодейством их истребит их, истребит их Господь Бог наш." (Пс.93:1-23)

– Ох, ёлки-палки! Господи, прости! – металась по маленькой сцене полуосвещённого камерного зала кругленькая седая старушка в бордовой униформе концертного администратора.

– Что делать? Что делать? – теребила она за пятнисто серый рукав невозмутимо внимающего ей старенького приземистого мужичка, – Яков Натанович вот-вот придёт, а инструмент ещё не на сцене!

– Как это не на сцене? – со смешком возразил ей повидавший всякое ночной сторож, – вот же он! – кивнул в сторону задвинутого за кулисы старенького "Стенвэя".

– Ага! – как боец в атаку вскинулась старушка, – Иван

Сергеевич! Ну уж Вам ли не знать где уже сейчас должен стоять инструмент?!

– Ну-ну-ну, – успокаивающе замахал на неё руками сторож, – не переживайте Вы так, Капитолина Исааковна! Вот народ соберётся, попросим кого-нибудь подсобить, и вместе и дружно...

– Да кто соберётся то! – топнула от досады ногой об обшарпанный дощатый пол бессменная администраторша, – Яков Натанович всего на один день к нам! Концерт только для СВОИХ! Значит придёт кто?! – спросила и ответила сама себе, – старые пердуны дряхлые-предряхлые...

– Воля Ваша, Капитолина Исааковна, но один..., да и вместе с Вами эту тяжесть...

– Надо найти кого-то! – решительно обрубил "прения" старушка.

– Да кого вы сейчас здесь найдёте? – рассмеялся в ответ сторож, – шестого января в полвосьмого вечера!

– Да ну Вас! – махнула на него рукой Капитолина Исааковна пристально вглядываясь в полумрак зрительного зала, – мужчина! А как вы здесь оказались?

– Так внизу открыто, не заперто, – чистым юношеским голосом ответил ей худой измождённый "бомж" лет сорока.

– Это я наверное забыл запереть, – виновато пожал плечами Иван Сергеевич, – доставая связку ключей из кармана куртки, – и это Вы, Капитолина Исааковна, виноваты, – заворчал, на что-то стремительно обдумывающую, админи-

страторшу, – заговорили меня прям с ходу, прям от порога. Молодой человек! – обратился к стоящему у задней стены зала бедно одетому мужчине, – давайте НА ВЫХОД! А я Вас провожу...

– Нет! – категорически возразила ему старушка, – мужчина! Мужчина! Подойдите сюда! Будьте так любезны!

– Вроде крепкий так-то парень, хоть и худой, – зарассуждала сама с собой Капитолина Исааковна разглядывая легко взбежавшего на сцену бородатого, длинноволосого "бомжа", – Вы наверное из тех, которые здесь у Собора МИЛОСТЫНЮ собирают? Погреться наверное зашли?

– Ну да..., вроде как..., – кротко потупился, опустил голову с гладко зачёсанными, собранными на затылке в пучок волосами, неожиданный гость.

– Ну вот и хорошо! Вот и замечательно! – обрадованно затараторила старушка, – втроём мы его уже сможем, с грехом пополам...

– Да! Конечно! – обрадованно согласился "помощник" и быстро зашагал к "мирно пылящемуся" инструменту.

Как-то знакомо взявшись за самое трудное, тяжёлое место, поправляя пыхтящих с боков старичка и старушку("вы только "рулите", а я остальное я сам"), практически в одиночку выкатил рояль на середину сцены.

– Ой! Ну красота! Ну красота! – радостно "закудахтала" Капитолина Исааковна "нарезая" круги вокруг величественно "воцарившегося" Steinway & Sons, белоснежным платком

смахивая пылинки и протирая пятнышки "посмевшие, дерзнувшие" возникнуть на поверхности Космической Чистоты.

– Сколько я Вам должна? – засунув платок в карман и вытянув оттуда же потрёпанный кошелёчек обратилась к с улыбкой наблюдающей за ней человеку.

– Нисколько. Во Славу Божью! – рассмеялся в ответ "протиситель милостыни".

– Да как же так то?! – обиженно вытянула губы трубочкой старушка, – нет, нет, нет! Каждый труд должен быть оплачен! – зарылась внутри "нищенской сумы"

– Капитона! – решительно возгласил "бомж" шагнув к невольно попятившейся женщине, – ты меня так и не знаешь?

Тихо рассмеявшись в напряжённо разглядывающее его, начинающее что-то понимать, лицо, снял и убрал в карман очки, а затем закрыв руками лицо ниже носа, снова спросил:

– А так?!

– Ох!!! Нет!!! – вздрогнула как от удара под дых Капитолина Исааковна, и заметалась, как будто пытаясь поймать бегающего вокруг неё ребёнка.

– Юра! Юрочка! – запричитала и наконец-то осознав происходящее, бросилась на грудь обнимающего её мужчины как истосковавшаяся по хозяину собака, – мы же тебя похоронили! Гроб же пришёл, тогда, из Чечни! Ведь я же, каждый год, цветы, на твою могилку!

– Ну-ну! Всё, всё! Тихо ты, успокойся, жив я, Капитона,

жив! Потом, если даст Бог, всё тебе расскажу, а сейчас у меня времени совсем мало, – погладив всхлипывающую старую женщину по голове, как ребёнка, – нерешительно спросил, – а можно мне, пока никого нет? – кивнул на безмолвно чернеющий инструмент.

– О, да! Конечно! Он ещё спрашивает! – мгновенно "вспыхнула" от восторга Ценительница Прекрасного, – ведь даже Яков Натанович всегда говорил, что ты, что этот рояль, никого кроме тебя так, кстати он скоро...

– Да-да, я знаю, знаю, – успокаивающим жестом остановил её "гениальный исполнитель", – я с ним, только что, недавно, разговаривал..., он меня и надоумил сюда..., надо же, – пожал плечами подойдя к инструменту и РАСКРЫВАЯ его, – человеку девяносто два года, а он до сих пор концертирует.

– Так ведь только для СВОИХ ведь Юрочка, – тихо возразила, как-то отрешённо наблюдающая за ним старушка.

– Пойду я. Дверь внизу закрою, – доложил нерешительно топчущийся у выхода из зала ночной сторож, – а то ещё, неровён час, ещё кого-нибудь, НЕЖДАННО-НЕГАДАННО принесёт.

И ушёл неслышно прикрыв за собой распахнутые настежь створки главного входа.

– О-о, ну нет! – протестующе замахала ручками на притащившего из-за кулис стул и пристраивающегося к роялю "незадачливого музыканта" Капитолина Исааковна, – только не в таком виде! Да это же КОЩУНСТВО!

– А как ещё? – Юрий почти испуганно оглядел свои замызганные брюки и застиранный в катышках свитерок.

– Пойдём, – решительно поднимая со стула и беря его под руку, повела "нянька" своего "сопливого юнца" куда-то за кулисы.

Они вернулись быстро, минут через десять, неверяще разглядывающий СВОЙ, уже надетый на себя, концертный костюм, Воскресший Музыкант и вся, какая-то помолодевшая, раскрасневшаяся от радости Его Почитательница.

– Неужели это мой? Ну да, точно мой, – задумчиво ещё раз осмотрел себя Лучший Пианист своего времени, – а как ты? Капитона? Ты, все эти годы хранила его?

– А я как будто знала, Юрочка! Вот как будто знала!

– Ну ладно, время не ждёт, – твердо подтолкнул сам себя к инструменту весь преобразившийся мужчина.

Присев почти на самый краешек стула, потёр друг о друга кисти рук то ли тщательно умывая их, то ли чем-то намазывая.

– Не знаю, получится ли, – посмотрел на тонкие, длинные покрытые бесчисленными шрамами пальцы, – ну да, уж как Бог даст, ибо на всё Воля Его...

Пальцы прикоснулись к клавишам так, как прикасается к своей любимой жене истосковавшийся в долгой разлуке муж, как он прикасается к её увядающему от скорби лицу, к её горестным складкам морщинок, к поседевшим так рано волосам, к мимоходом утираемым слезинкам. Рояль не

играл – он плакал и стонал, как израненное, умирающее от боли животное. Сидящая у запертых дверей, на своём концертном стуле, вытирающая непрерывно текущие слёзы Капитолина Исааковна, тихонько, шёпотом, всхлипывала:

– Какой талант! Боже мой, какой талант!

– Ну вот и всё...

Просидевший после ИСПОЛНЕНИЯ в задумчивости минуту или две, собиравшийся было встать Юрий, был остановлен умоляющим возгласом преданной старушки:

– Ещё! Ради всего Святого, Юрочка, ещё! Есть ещё немного времени, – уверенно закивала взглянув на ручные крохотные часики, – сейчас я только выгляну, посмотрю нет ли кого в фойе. А то у нас Иван Сергеевич, добрая душа, всегда раньше времени запускает, – выглянув в приоткрытую дверь и убедившись в абсолютной пустоте, ободряюще кивнула Музыканту, – Шопен это конечно хорошо, Юрочка, но уж больно тоскливо, иногда прям даже тяжело. А давай ту, Глинки, Юлечкину любимую..., пожалуйста...

– Хорошо, – согласно кивнул в ответ Лучший Ученик известнейшего в узких кругах маэстро.

Стремительно скользящая сквозь полумрак фойе, тянущая за собой как на буксире очаровательную шестнадцатилетнюю девушку ("мама, ну куда ты меня волочишь?, какой ещё Яков Натанович?, а то я сама не знаю какой у меня голос..."), худенькая, тридцатипятилетняя измождённая непосильными трудами женщина остановилась как вкопанная:

– Он что, уже здесь? Но он мне по телефону сказал, что не раньше девяти будет...

– Вот именно! – тут же, возмущённо зашебетала в спину ей Любимая Доченька, – а мы припёрлись сюда..., время только двадцать минут девятого, можно было ещё..., ой, мамочка, какая же ты худющая у меня! Одна кожа да кости! Я чуть нос об тебя не сломала! – попыталась пошутить, растормошить чем-то смертельно встревоженную Мать её единственный ребёнок.

– Этого не может быть..., это невозможно, – вырвался стон откуда-то из самого глубины естества Умирающей от Горя души, и позабыв обо всём и вся, Юлия бросилась НА ЗОВ.

Распахнув решительно дверь и королевским жестом отстранив попытавшуюся было остановить её Капитону("ой, Юлечка, прости, а я было тебя не узнала"), вспорхнула на сцену.

– Ксюшенька! Деточка моя! – попыталась остановить и обнять неотступно следующую за матерью, испуганную её поведением девушку Капитолина Исааковна.

– ТЫ..., – как задыхаясь от удушья, еле выдавила из себя жена "пожирая" взглядом лицо многократно оплаканного, навсегда потерянного мужа.

– Как же так, Юрочка? – как в бреду, еле слышно шептала бледная до синевы, находящаяся в полуобморочном состоянии женщина, – ведь я же так ждала тебя..., как меня все

ругали когда я рожать решила, "карьеру" балетная ко всем чертям..., а потом, как только из роддома мама меня забрала, сначала "похоронка", а потом гроб..., а я не верила...

– Она тогда так страшно об этот гроб головой билась, так страшно кричала, "не верю, это не он, откройте, дайте мне посмотреть на него", еле-еле успокоительные уколы подействовали, – горестно тихо прокомментировала снизу Капитолина Исааковна.

– А ты, Юрочка, почему ты? Где ты был?

– Неужели ты думаешь, что я не вернулся бы к тебе если бы мог? – по-детски обиженно вскинулся привставший со стула, виновато поникший головой, мужчина, – ты же, как никто, знаешь мою ЛЮБОВЬ к тебе, – пристально взгляделся в непроглядно чёрные очи своей любимой, – прости меня..., трудно тебе пришлось, а я вот никак! Никак не мог, поверь мне, пожалуйста...

– Я тебе верю...

– Боже мой, родная моя, как же я виноват перед тобой..., как ты все эти годы..., одна..., или?

– Вот ещё! – гордо вскинула подбородок "снежная королева", – ты! Ты – мой один единственный муж, был, есть и будешь!

– Ну что же ты? – тут же умерив свою заносчивость, умоляюще простонала, – если ты меня, – пошарив руками, найдя и притянув, обняв, приоткрывшую рот от изумления дочь, – НАС! Хоть немного любишь, подойди, обними, скажи что

это не сон, не видение, что ты теперь с нами НАВСЕГДА...

– Отец Савватий, – раздалось от входа в зрительный зал хрипкое покашливание. Неслышно вошедший внутрь, богатырского облика, белый как Дед Мороз, монах, приблизившись к сцене удивительно лёгкими для его возраста и могучего тела шагами, бухнул к ногам подошедшего к рампе Юрия брезентовый вещмешок, – вот, "роба" Ваша "рабочая", как Вы просили..., просто я ТУДА пришёл, а мне говорят, что мол отец Савватий отошёл ненадолго, сюда мол, а я ждал, ждал, – пожав плечами, виновато разведя руки и хлопнув себя по бокам, – а время идёт, вот я и решил...

– Всё правильно ты решил, отче, – кротко успокоил его Высший по Рангу, – ты как раз вовремя...

– Капитона, – обратился к недоумевающе бегающей взглядом старушке, – пойдём я переоденусь, и тебе это, – ещё раз оглядел свой концертный костюм, – мне уже ненужное отдам...

Неведомо как всё понявшая и осознавшая Юлия, оглянувшись в сторону ведущих на сцену ступенек, и как будто решив что бежать до них далеко, отчаянно прыгнула прямо со сцены к ногам широко заулыбавшегося ей старого монаха.

– Да как Вы смеете! Я буду жаловаться! Как вы смеете снова забирать его у меня?! – ткнула худеньким пальчиком в спину уходящего за кулисы Музыканта.

– Мама, мамочка, успокойся! – попыталась оттянуть её, по нормальному сбежавшая вслед за ней, Ксения.

– Ну почему? – как ударившись об любвеобильный взгляд заскулила, заюлила бесстрашная женщина перед ласково разглядывающим её монахом.

– А ты удивительная красавица, – как-то просто, искренне проговорил тот разглядывая испитое, раньше времени постаревшее личико, – теперь я понимаю, почему он, – кивнул головой в сторону ушедшего со сцены, – до сих пор так страдает без тебя...

– Что Вы такое говорите? – как подросток засмушалась и покраснелась Юлия, – я сейчас уже совсем..., да и раньше то, все мальчишки, почему то стороной, "снежной королевой" дразнили, даже как будто побаивались, только один Юра не так..., а девчонки так вообще, ведьмой обзывали...

– Да какая же ты ведьма? – протестующе затряс бородой монах, – ты Ангел! Ксюшенька, – обратился к прижавшейся сбоку к матери девушке "оруженосец", – твой папа и правда тогда практически погиб. Хотя, конечно, военное начальство сжульничало, гроб не с его телом сюда тогда отправили, а он в плен, уже полумёртвый попал. "Чехи" его пару дней у себя подержали, видят что всё, безнадёжный, вытащили и на окраине аула бросили подыхать, как собаку. А местные, увидав у него на шее крестик православный, к нам, в наш монастырёк и притащили. Три женщины и подросток, как сейчас помню, и как уж их Господь надоумил на это. В-общем, настоятель наш, тогда отец Гавриил был, как-то умудрился "растормошить" его, чтобы он в более-менее сознательном

состоянии исповедовался и причастился. Помню вышел он от отца Савватия, тогда Юры ещё конечно, крепко так заду-мавшийся. А меня он к нему ещё тогда приставил, послушание тебе говорит, ходить за умирающим, так с тех пор я и всегда при нём... ну да ладно, об чём это я? Так вот, собрал нас тогда всех, шестеро нас там тогда и было всего, отец Савватий седьмым стал, а с тех пор больше братии и не прибавляется, всё семь и семь... один отойдёт ко Господу, так Христос, неведомо откуда, нового взамен приводит... Так, что-то опять я отвлёкся. Так вот, собрал он нас и говорит, просится мол этот солдатик, чтобы его в монашество постричь, а по хорошему, по Уставу, этого делать нельзя потому что жена у него есть, и ребёнок должен вот-вот родиться. И что делать, говорит, братья, даже и не знаю, вроде бы и не жи-лец он, так и так помрёт, и без согласия законной жены – нельзя! Венчанные, он сказал, они с ней. Как через Таинство Брака переступить?! Думали, думали, судили, рядили ничего решить не можем. И тут как Господь надоумил отца Рафаи-ла! Духовника нашего. А пусть, он говорит, Сам Вседержи-тель и решает этот вопрос! Бросим ЖРЕБИЙ, братья!... Вот и вышло тогда, папе твоему, Ксюшенька, быть **МОНАХОМ!** Долго он ещё после мучился, полгода почти между жизнью и смертью, его туда-сюда мотыляло... А как поправился, то Господь наш Иисус Христос ему Великий Дар вручил. Твой муж, – повернулся к чуть не теряющей разум от происходящего женщине, – может, а может и всегда умел просто не

знал об этом, безошибочно определять МЁРТВЫЕ ДУШИ. То есть тех людей, которые сознательно перешли на сторону Зла, и Спасение которых уже невозможно. Обычно это ведьмы и колдуны, не те которые "играются" с лукавым, а сознательно продавшиеся дьяволу... ну и бывает что-то более серьёзное. Он их определяет во время ночной молитвы, обнаруживает среди миллионов других людей, а Архангел Михаил, мечом огненным, отсоединяет Пропашую Душу от бренного тела...

– Почему именно так, зачем Господу нашему в этом деле такие как мы, никчёмные помощники нужны, я, родные мои, до сих пор не знаю. И спрашивать об этом нашего ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО – не смею, – завершил повествование тихо подошедший к ним, переодевшийся в потрёпанную монашескую рясу Стойкий Солдат, – ну, давайте прощаться! – ещё раз, жаждующе взгляделся к родные лица.

Постояв в задумчивости несколько мгновений, опустил на колени и припал в земном поклоне к ногам Своей Жены.

– Юра, Юрочка! Нет! Нет! Не покидай меня опять, – разрыдалась, заголосила Юлия.

Вставший с колен, как одеревеневший и внутри, и снаружи, Боец с Нечистой, обнял припавших к нему жену и дочь. Вцепившиеся в него, как утопленницы выхваченные из подо льда Финского залива, понимающие, осознающие всю бесплодность своих "претензий" женщины, изо всех сил пытались подавить рвущийся из груди плач.

– А я вас, обеих, и не оставляю. Господь с вами. А я всегда любил и буду любить вас. И молиться всегда за вас буду. Только Христос в моем сердце ВЫШЕ вас, а больше никто. Прости, брат, – оглянулся на спокойно пожавшего в ответ плечами "илью'муромца".

– Юрочка, а я ведь, только тем нашим "медовым" месяцем, воспоминаниями о нём и живу! – сквозь слёзы затараторила в ответ Юлия, – как мы тогда! Какое счастье было! И расписались так легко, в мае же, никто в это время не хотел..., и повенчали нас тогда сразу же. И доченьку, Ксению, как ты мечтал тогда, я вот..., расстаралась..., – как бы пытаясь зацепиться за "уходящего", "отстраняющегося" от неё Призываемого к Служению, договорила она.

– Чудесная ты у нас получилась, – с восхищением проговорил чуть отстранившийся от дочери отец. Легонько, кончиками пальцев прикоснулся цветущему румяному личику, погладил тёмно-русые, вьющиеся, такие же, как были у него когда-то волосы. Потом прикоснувшись к выглядывающей из под ворота платья ниточке на шее, заглянув в синие как и у него глаза, – крестик?

– Бабушка подарила! – Ксения хлопнула себя по груди правой рукой, прижимая к себе, как будто боясь что у неё отнимут, крохотный серебряный крестик, – никогда его не снимаю!

– Мама наша, – согласно кивнул головой отец, – мама то у нас одна была, отче Иоанн, – покосился на Воинствующего

Соратника, – я то сирота. Знал ты об этом?

– А какая разница? – снова пожал плечами могучий монах, – мама, она и есть мама. А так то, на всех православных Она, вообще, Одна! Значит ты хорошо поёшь, Ксюшенька? – загудел как паровоз, как то хитровато посмотрев на девушку.

– Ну да! Вроде как хвалят меня!

– А я вот знаешь что тебе скажу? – уставившись в потолок и дёргая себя за бороду "завещал" Богатырь, – в Подмосковье, точнее в Ярославской области, есть Толгский монастырь. Не знаешь? Не слыхала никогда? Ну, узнаешь! А как узнаешь, то съезди-ка ты, деточка, туда. Лучше летом, летом конечно, – предупредил готовые уже вырваться изо рта возражения, – зачем же сейчас то? Посреди учебного года? А там как приедешь, так и узнаешь, что такое хорошее пение...

– Да что же это такое, в самом то деле?! – с обеих сторон ринулись на него "в атаку" Капитолина Исааковна и Юлия Андреевна, – мало ВАМ того, что вы Юрочку у нас отобрали, так теперь ещё и её?!

– А то можно подумать вы удержите её когда Господь наш Иисус Христос призовет! Ага, конечно! Отца Савватия уже "упустили", – со смешком кивнул в сторону зияющего пустотой дверного проёма, – прошёл среди вас, и нет его. Ну да ладно! – вытащив из под рясы наперстный деревянный крест, – Бог да Благословит вас, чада мои! – приласкав БЛАГОСЛОВЕНИЕМ, притихших, присмиривших женщин, – и мне пора! А то попадёт мне от отца Савватия, ох и попадёт,

если опоздаю!

[Вечером восьмого января, в криминальных сводках Санкт-Петербурга, промелькнуло сообщение о том, что в ночь с шестого на седьмое января, в своём роскошном загородном особняке заживо сгорели Михаил и Тамара Н., успешные предприниматели, основатели знаменитой школы практической магии и колдовства. По официальной версии, причиной пожара стала неисправность газового отопительного оборудования. Пожар произошёл поздно ночью когда хозяева и их многочисленные гости, численность и личности которых ещё предстоит установить, крепко спали.]

Р. S. В рождественский сочельник одна тысяча девятьсот девяностого года, когда над скучной, серой, терзаемой криминалом Северной Столицей злобно завывала безжалостная балтийская вьюга, в полумраке камерного зала концертировали сами для себя худенькая, как бы светящаяся насквозь, девушка балерина, невероятной красоты, натуральная блондинка, с чёрными как южная ночь очами и аристократично изящный юноша с длинными до плеч, тёмно-русыми кудрями, не смотрящий своими синими глазами ни на клавиши, ни на ноты, а не отрывающий взгляда от НЕЁ, иногда вздрагивающей от пронизывающего холода, но всё равно грациозно исполняющей свою партию Рождественской Сказки.

Абсолютно пустой, погружённый во тьму зрительный зал

был "битком набит" Ангелами Верными Ему, так, что даже самому мелкому бесёнку не нашлось бы там места, Ангелы и Архангелы, Начала и Силы, Херувимы и Серафимы, Власти, Господства, Престолы, без различия чинов и званий, вкруговую теснились вокруг ПОЛЫХАЮЩЕЙ на сцене ЛЮБВИ, и, "затаив дыхание", ловили каждый звук, каждое движение.